

В. М. Акаткин

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Русская словесность на рубеже столетий

О состоянии русского языка и литературы на рубеже веков заговорили с таким же апокалиптическим напряжением, как и о разграблении и развале страны, о преступности и наркомании. Вот ключевые оценочные слова из работы одного видного современного социолога: беззащитная языковая норма, разрушение этических барьеров, социокультурная деградация, экзистенциальная безысходность, распад корневых цивилизационных структур, социальная дистония человека и общества, оскудение человеческого общения и т.п. (и это еще не самые мрачные оценки). В итоге предлагается дилемма, оба элемента которой не исключают друг друга, а направлены в одну сторону: или “потерять свою этничность и свой язык”, или “застыть в изоляции в условиях интенсивных процессов международного общения”¹. Иного как будто не дано.....

Имеются ли действительные факты для подобных оценок состояния языка и общества? Или они вызваны теми эмоциональными пережестами, которые характерны для переломных эпох? Предстоит долгое научное разбирательство, а пока ограничимся некоторыми замечаниями и аналогиями.

Осознавая весь драматизм происходящего в России, мы все-таки верим, что она выйдет из кризиса, обретя свою национальную идею, которая спасет ее от самораспада и деградации. Ныне такой национальной идеей становятся язык и культура Отечества.

Русский язык и литература сравнительно молоды. Они возрастали под строгим присмотром многочисленных грамматик, риторик и поэтик, на незыблемых правилах стилистической упорядоченности, детально разработанных со времен Аристотеля. Их развитие не было равномерным, по разным причинам оно обрело волновой характер, в постоянном противоборстве и взаимообогащении языка официального, книжного и живого, разговорного. В Древней Руси многими исследователями отмечается преобладание звучащего, общенародного, слова, которое успешно соревнуется с языком переводной, по преимуществу церковной, литературы. Однако уже в XVII в., по словам А. Панчен-

ко, “церковнославянское “красноречие” иерархически подчиняло себе русское “просторечие”..... Два пути предлагали русские писатели. Один путь — создание “грамматического” языка, другой — ориентация на природный русский язык”². На какое-то время победили “грамматисты” во главе с С. Полоцким, но эта победа задержала создание русского национального языка.

Петр I объявил войну словесному этикету, красноречию, поэтизму, он требует “не высоких слов славенских”, но “простого русского языка”^{2а}, делового, лаконичного стиля. Ибо суть его реформ — не в производстве слов, а в производстве вещей, “в известном смысле это означало упадок литературы. Естественным было ухудшение стиля, макаронизм, избытие варваризмов”^{2б}.

Однако через “окно в Европу”, прорубленное Петром Великим, в Россию хлынул свежий ветер западной образованности и культуры, пробудивший дремлющие силы русской словесности, и это пробуждение дало право Ломоносову с достоинством и гордостью сравнивать русский язык со многими европейскими: “Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не только бодростью и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может”³.

Восхитившись возможностями русского языка, Ломоносов ужаснулся реальным состоянием русской словесности после Петра. Он увидел, как много нового внедрялось в российскую повседневность, но это новое никак не согласовывалось с анархической бессистемностью языка, причудливым смешением в нем обветшалых славянизмов и заимствований с просторечной лексикой и неуклюжим, неповоротливым синтаксисом. И он с головой погружается в недра русского языка и тайны стихотворства, чтобы пробить каналы живительным водам мысли и творческого вдохновения, создает систему родов речений и стилей языка, в соответствии с которой выстраивает панораму литературных жанров. Перед русской словесностью открылись безграничные возможности, которые гением Пушкина были обращены в реальность. Классики “золотого века” обуздали непокорную речевую стихию языка и направили ее в глубокое русло красоты и духовности, в русло культуры. Подобные мощные сдвиги происходили и после отмены крепостного права, и в период буржуазно-демократических реформ, в совокупности своей подготовивших наступление “серебряного века” русской культуры.

Однако грозные силовые извержения двадцатого столетия (революции, войны, террор, репрессии) обернулись угрозой духовному богатству и цветущей роскоши русского языка. Удары, наносимые по “проклятому прошлому”, отзывались и на языке. Атаки на “школу гармонической точности” начали модернисты. Слово у них нередко оказывалось зыбким, небазисным, прямое значение подменялось намеками на что-то иное, порой произвольно субъективное, вырабатывался своего рода поэтический жаргон для посвященных. Смыслы коренные и вечные затушевывались ради теневых, “несказанных” значений, слово становилось тайнописью, указателем на смыслы, для которых не находилось слов. “Самовитое слово” футуристов было дерзостной попыткой заставить работать каждый звук в отдельности (порой вне смыслового целого — слова), оперировать фонетическими оболочками, минуя предметные смыслы. Им казалось, что чем меньше в языке информации, тем он ближе к абсолютно поэтическому, а из всего словарного богатства они стремились вытащить слово скорее экстравагантное, скандальное, чем точное. Потому-то затруднительно сказать, что же произошло с русским языком в “серебряную” эпоху, чего там было больше — утрат или обретений.

После смерти А. Блока, пишет В. Вейдле, мы хоронили не только величайшего поэта XX в., но и все то, что его породило, что было дорого всем, — “мы хоронили Россию”. Не “разгромленное государство”, а “другую, невидимую Россию, ту, что становится осязаемой в слове и сквозь слово”⁴. Начался полный разрыв не только с монархическим строем, но и с этой “невидимой” Россией, которой революционные потрясения “сушили если не истление, то немощь и немоту. Всей русской письменности предстояло жить в таких условиях, в каких она никогда раньше не жила, ей грозила неволя, какой она никогда, хотя бы и в худшие, давно прошедшие времена, не знала”⁴. Даже сам “буревестник революции” М. Горький прокричал в лицо большевикам: “Там, где слишком много политики, там нет места культуре”. Об угрожающей засоренности русского языка политической шелухой и аббревиатурами, его расшатанности и даже опасной болезни предупредил И. Бунин в “Окаянных днях”. Эта болезнь с огромной рецидивной силой вспыхнула в перестроечные годы, потому что она была не излечена, а загнана вглубь десятилетиями “организованного упрощения культуры”. К подобным упрощениям можно отнести реформу орфографии, ликвидацию гимназического образования, исключение из про-

грамм и даже уничтожение идеологически неугодных текстов, классовый подход к отбору учащихся, непрерывно подогреваемую борьбу с “проклятым прошлым”, в результате чего даже старославянский язык был запрещен как предмет школьного образования. И довольно скоро советская молодежь уже не могла понимать язык молитвы, язык духовного очищения и возвышения. Забыто было пророческое предупреждение Ломоносова, ратующего о пользе книг церковных: “Российский язык в полной силе, красоте и богатстве утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет”^{3а}. Не однажды в нашей истории делались попытки избавиться и от литературы, от ее утонченности и сложности, упростить ее, заменить деловым письмом, репортажем, газетой, отменить вымысел и “беспредметные” переживания, превратить писателя в хроникера, пропагандиста, служку “на подхвате”. И теперь от него требуют “хлеба и зрелищ”, ублажающего развлекательного чтива — и чтобы “без проблем”.

Глобальный кризис, разразившийся в нашей стране на рубеже столетий, с особой остротой воспринимается именно в духовной сфере. Ко всяким бедам житейски-материальным мы давно привыкли, духовность же, которую когда-то, по словам Есенина, можно было “мерить пудами”, оставалась нашим неприкосновенным золотым запасом. И вдруг все разом исчезло, испарилось, и ни оград, ни стен не видать. Обесценился прежде всего человек, а вместе с ним и все былые духовные обретения. Стали спешно сбрасывать с “парохода современности” русскую и советскую классику, завалив прилавки и лотки бульварным чтивом (куда там до него “милорду глупому”!), сменили положительные культурные символы на отрицательные (и наоборот), заговорили на каком-то непотребном “новоязе”, на космополитическом жаргоне, отовсюду зазвучали черные прогнозы об исчерпанности русской души, о безбудущности русского народа, о слабости и бесперспективности русского языка. Все, что происходило в последние годы, перефразируя Пушкина, можно охарактеризовать как развенчание “нас возвышающего обмана” ради воцарения “тьмы низких истин”. Но “куда ж нам плыть” с ними?

Демократизация принесла такое неожиданное для России явление, как массовая культура, которая подменила собой культуру народную. В чем их отличие? Народная культура зиждется на уважении к традиции, на выверенном, строго отобранном слове, она всегда соотносена со всеобщим, судьбоносным, с обще-

народными идеалами и не допускает произвола, излишней выделенности каждого элемента, вплоть до исполнителя. Массовая культура обращена к толпе, усредненному, поверхностному, случайному, она вся построена на произволе, на капризе “звезд”, вся в мишуре и блесках, в дымах и подсветке, вся в имитациях и подделках. Эстрадное слово, положенное на бумагу, лишенное сопроводительных эффектов, ужасно по своей пустоте и фальши, оно не светит и не греет, и такое слово преобладает теперь даже в литературе. Познание начинается с удивления, говорил Аристотель. В массивном слове нет ни удивления (оно само хочет быть удивительным), ни гнева, ни любви, ни высокого духовного порыва. Называть вещи своими именами, “оличить” слово — вот самый верный путь исцеления языка от болезней ширпотреба.

На границах больших литературных эпох срабатывает некий закон духовных пауз: что-то понуждает остановиться, расслабиться, провалиться вниз, в подполье, породниться с дикарем и варваром, чтобы потом снова возжаждать неба, высоты, красоты и духовности. Кризисный промежуток утверждает постмодернистское отношение к языку и ценностям: огульное осмеивание, пародирование, переименование вечных смыслов, ироническое отношение ко всему возвышенному, устойчивому и определенному. Неразличение добра и зла, греха и праведности, правды и лжи, отсутствие нравственных норм и ограничений, сплошная подмена понятий — все это сразу же отразилось на языке. Наша речь буквально дробится на осколки и недоговоренности, слово зачастую становится маскировочным, игровым, оно слишком мало значит, чтобы ему доверяли. Выразаться ясно и прямо, опираясь на базовые значения слов, считается наивным и провинциальным, поэтому прибегают к жаргону, к словечкам для посвященных, дабы слыть “своими”, “крутыми”, “на уровне”. За этим жаргоном угадывается стремление скрыть подлинную суть поступков и желаний, а кальки с иностранного призваны смягчить, завуалировать сегодняшние реалии: убийца именуется киллером, грабеж — ваучеризацией, проститутка — девушкой по вызову, блуд — сексом и т.п. Пришло время сдачи высот, на которые мы худо-бедно поднялись, — отсюда пересмеивание всего и вся, эстетика демонического и безобразного. Как известно, свято место пусто не бывает: в образовавшиеся эстетические и нравственные ниши хлынули пошлость, чернуха, примитив, жажда удовольствий любой ценой. Всему, что теперь утверждается, вовсе не нужен богатый и точный язык, наоборот,

нужна речь двусмысленная, зашифрованная. Почему зачастили в речи слова-заменители или кальки с английского? В них реализуют сценарии отлучения от вековых народных традиций, от всего, чему учили родители и школа. В этих словечках шокирующая свобода и расторможенность, легализация запретного, подпольного, стыдного. Для беспредела простые русские слова, закрепленные в словарях, не годятся, тут нужны подменные, амбивалентные.

Процессы, наиболее заметные на поверхности современного языка, настолько вызывающи и эпатирующи, что сбивают с толку, и мы не осознаем всей глубины происходящего, которая остается неназванной, невыраженной. Куда мы идем, что с нами происходит, во что выльются всяческие преобразования? Не случайно именно публицистика стала ведущим жанром словесности. Слово оценочное, политизированное оказалось в перестроечные годы наиболее активным и громким, т.е. слово текущего момента, слово скоропреходящее. Почти все большие русские писатели разом смолкли — глубинное, народное, душевное слово оробело, стало неактуальным. Повсюду замелькали пародисты, пересмешники, писательская трибуна обернулась эстрадой. “Сегодня уже не приходится говорить о литературном процессе, — пишет А. Карпов, — его место занимает динамичная литературная ситуация”⁵. Настолько динамичная, что процесса не видно, а стрелка литературного компаса мечется вокруг своей оси и не ведает, где теперь полюса.

Недоверие к символам и смыслам в последние годы порождено крушением утопий, изнурительным идеологическим противостоянием, накопившим целые горы лжи, глубоким кризисом просветительских идей. Что осуществилось, что оказалось верным клятвам и лозунгам? Свобода? Равенство? Братство? Народ, заплативший огромные жертвы прогрессу, отброшен в дикость и нищету, его уже не соблазняют ни демократия, ни социализм. У народа-языкотворца затворилась душа, и он на время утратил веру в свой исторический промысел. Безграничное понятие “жизнь” подменилось давящим и унижающим “выживание”. В такой ситуации народная культура и язык почти замирают, дают мало обнадеживающих приращений, функционируют только в заторможенной памяти.

Однако в кризисе слова есть причины внутреннего порядка, определяемые состоянием самого языка в нашу электронно-ядерную эпоху. Еще на заре XIX в. представители мифологической школы наметили два периода в жизни языка: “период его обра-

зования, постепенного сложения (развития форм) и период упадка и расчленения”, когда “прежняя стройность языка нарушается, обнаруживается постепенное падение его форм и замена их другими”⁶. В период становления языка слово являлось не знаком, указывающим на известное понятие, но живописно представляло “самые характеристические оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления”. Со звуками родного языка народ “связывал не отвлеченные мысли, а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления”. Поэтому в слове отложились и характер, и “внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и природу”^{6а}, ибо слово рождалось в едином акте удивления и познания.

С течением времени живое представление в слове утрачивалось, оно уже связывалось с предметами и явлениями все более опосредованно, в языке начинали преобладать слова абстрактного или виртуального значения. Попробуйте вызвать какой-либо наглядный образ, услышав слова “научоемкий”, “менталитет”, “концепция” и т.п. И таких слов в языке становится все больше и больше. Не последнюю роль в изменении статуса слова сыграл и материал, закрепляющий его: камень, доска, кожа, папирус, бумага, магнитный диск. Как видим, этот материал становится все более непрочным, зыбким, виртуальным. Эпоха интернета резко ударила по авторитету слова и личной его окрашенности: теперь оно принадлежит всем и одновременно ничье, оно легко и быстро стирается, заменяется другим, связь его с характером человека все более факультативна. Создавать тексты стало делом техники, а не творческим порывом, трудом души. Отчасти поэтому запнулась русская литература, ей будто не хватает в слове тепла, цвета и запаха, живого пульса сердца. Немалый вред языку нанесло узкое, механическое понимание слова как знака, против чего категорически восставал еще два века назад В. Гумбольдт: такое понимание “убивает всякую одухотворенность и изгоняет всякую жизненность”⁷.

Литература и язык — это два сообщающихся сосуда, взаимообогащающих друг друга. “Заболеет” язык — не поднимается до высот истинной художественности литература. Прервался, обмелел литературный процесс — во все тяжкие пустился язык, ему негде проявить себя, доказать всю свою мощь и жизнеспособность. А у тех жанров, что смело взобрались на эстраду или вписались в экраны, совершенно иные функции — не трибуны и кафедры, а капустника, развлекательного шоу с коммерческой подкладкой. Но русская литература никогда не была развлечени-

ем, она всегда была запросом совести к бытию, исповедью и проповедью, исканием правды и справедливости, приговором и милостью. Обучат ли ее исполнению новых ролей?

Духовная ситуация на рубежах веков всегда особая, тревожная и многообещающая, нас будто выносит неодолимое течение к тому сказочному камню на развилке: “направо пойдешь”, “налево пойдешь”, “прямо пойдешь”..... Тут и невольные оглядки назад, и нетерпеливые попытки заглянуть в будущее, в неизведанное, и желание остановиться, сохранить все, что есть. Былое кажется исчерпанным, устаревшим и едва ли нужным новым временам, а новое еще не показало себя, не проступило зримо и не может оправдать наших ожиданий. Образуется как бы ничейная зона, переходная полоса, на которой хозяйничают самые бойкие, самые шустрые, для которых ничего не стоит поклясться или отречься, пугать прошлым или будущим, они умело эксплуатируют либо зазывное, либо клеймящее слово. Нравы улицы и базара проникают всюду, в том числе и в стихию языка, что приводит к заболеванию его глубинных слоев, подмене их ситуативными, скоротечными элементами. Но, как говорил П. Флоренский, “священные слова о самом таинственном — самые простые: отец и сын, рождение, согнивающее и прорастающее зерно, жених и невеста, хлеб и вино, дуновение ветра, солнце с его светом и т.д.”⁸. Однако именно эти священность и простота на переломе эпох оказываются под ударом.

В каких сферах активнее всего работает ныне язык? Прежде всего в политике, в средствах массовой информации, в молодежной среде. Из этих сфер, от набегающих оттуда обновительных волн и выходит новая лексика, подчас причудливо и рискованно звучащая, дерзкая, режущая ухо, шокирующая строгих стражей норм и правил. Маргинальное, отбросив былые запреты, спешит заполнить все поле чистого листа, подпольное вылезает на поверхность и хочет уравнивать себя в правах с общепринятым, иноземное стремится потеснить исконно русское. Превалирует язык массовый, площадной, а на его фоне звучат личная косноязыкая речь, обрывки фраз, отдельные словечки, междометия, беззастенчивый мат. Или нам иного не надо — и такое сойдет?

Однако язык политики и прессы — это еще не язык народа, которого мы по-настоящему не знаем. Народ, как известно, безмолвствует. Да и после В. Даля не нашлось подвижника прослушать и записать буйное многоголосье “живого великорусского языка”. Каков он теперь, через полтора века? Словарный

состав языка подвижен и текуч, как сама жизнь, однако внутренние его устои, его предназначенность почти неизменны. И ведь главное не в количестве слов и “не то, что способен выразить данный язык, а то, на что этот язык вдохновляет и к чему побуждает благодаря собственной внутренней силе”^{7а}.

Ныне вдохновительные силы русского языка часто остаются без применения, особенно в молодежной среде. Приведу частный пример, тем не менее весьма показательный. Собеседование в коммерческих группах на вступительных испытаниях обнаружило, что к изучению иностранных языков абитуриенты относятся серьезнее, чем к изучению русского, родного, а порой лучше говорят по-английски, чем по-русски. Не следует ли нам поискать причины подобного перекоса в насаждаемых СМИ приоритетах, в том числе в нашей образовательной политике? Да, английский язык — это латынь мировой науки и общения нашего времени. Но мы знаем, чем закончилось господство латыни. Конечно, кто силен и богат, на языке того и говорят, чтобы угодить хозяину. Но все равно надо возвращаться домой, в свои стены и говорить по-своему. Ибо язык — это не только деятельность мысли, это осуществление души и духа, у каждого народа особый язык сердца и культуры, неповторимый язык образов и символов, красок и мелодий. Язык — это мощное духовное оружие, незримой силой которого оберегается не только душа народа, но и территории, на которых он живет. Почему так остро зазвучали вопросы о современном состоянии русского языка? Да потому, что для всех очевидными становятся потери пространств, на которых русский язык был ведущей культурной силой. Но самое страшное — потеря внутреннего духовного пространства, что неминуемо произойдет, если не изменится наша образовательная политика.

Даже без глубокого анализа школьных учебных планов видно: тут возникла явная диспропорция. Так, основной массив правил русского языка изучается в младших классах, тогда как в старших, в период становления личности, когда ученик приходит к сознательному освоению и использованию ресурсов родного языка, его почти отлучают от этого предмета (всего один час в неделю, а в негуманитарных профильных классах и этот час отбирают на физику или математику). Это происходит, между прочим, от непонимания того, что русский язык — “самый надежный и чудодейственный инструмент... национального спасения”⁹. Не забывают ли начисто об интересах и авторитете отечества, когда замышляют преподавать иностранцам на англий-

ском языке? Литературу же, одну из самых структурообразующих дисциплин в становлении личности, пытаются исключить из числа базовых дисциплин и перевести на факультативное изучение. В современном духе понимая чтение только как удовольствие, говорят: зачем же превращать удовольствие в обязательку да еще и платить за это учителям? Следствием подобных умонастроений явилось разделение вступительного экзамена по русскому языку и литературе на два самостоятельных, а затем и отмена экзамена по литературе на многих факультетах. На наш тревожный запрос о введении факультатива в школе Департамент общего среднего образования ответил: “В настоящее время несколькими авторскими коллективами разработаны проекты закона о государственных образовательных стандартах. Видимо, в одном из них литература как учебный предмет исключена из федеральной части базисного учебного плана”. Иными словами, литература нашему Министерству образования не нужна, а потому и не заказывается школе от имени государства. Как говорится, “приехали”. Вот чем закончилась пресловутая гуманитаризация образования, о которой так много, так громко и повсюду кричали наши реформаторы.....

Жизнь, как известно, не стоит на месте. У литературы и чтения появилось множество приманчивых соперников, уводящих юношей и девушек от книги, от уединенного мечтания и размышления. Литературоцентризм в культуре на данном этапе, очевидно, закончился. Пришло поколение, воспринимающее слово и речь не вживе, не в законченном тексте, а через экран или наушники, где зрительно-шумовой фон скрадывает, дробит неповторимую музыку стиха или прозы, индивидуальные приметы авторского стиля. Говорит кто-то невидимый, далекий, слово мелькнуло и тут же исчезло, заслонилось другими: ни вернуться к нему, ни вдуматься, ни прочувствовать его нет возможности. Отсюда огромное количество немотивированных грамматических ошибок, фактических искажений, удручающее незнание хрестоматийных текстов. Современная речевая практика отражает собою прежде всего чувственные потребности и опыт, а не умопостигаемые истины, однако “глаза и уши — свидетели ненадежные”, говорил Гераклит.

Учитель-словесник наших дней работает в условиях такого сокрушительного духовного и нравственного слома, подобного которому Россия не переживала. Все, что веками нарабатывали подвижники духа и совести, все, что накапливала народная нравственность, летит под откос, все опоры, скрепы и запре-

ты теряют силу, бывшие авторитеты и кумиры рушатся. Порой кажется, что утрачивают свое упорядочивающее воздействие культура и сам язык — он словно лишается почвы, живительного гумуса, корни его повисают в иссушающем и зараженном воздухе двойных стандартов. Ныне в русском языке актуализировалось нигилистическое, оппозиционное, разрушительное начало по отношению к нашим опорным духовным ценностям, к русскому национальному характеру. Ломать — не строить, и мы с трудом осознаем всю глубину разрушительства, которым умело дирижируют. “Надругательство над прошлым, — пишет В. Нахимов, — пронизывает всю нашу жизнь”¹⁰. Наверно, поэтому то наш век — это “век утраты фундаментальных смыслов”^{10а}.

Гуманистический пафос русской литературы обусловлен был прежде всего заступничеством за “униженных и оскорбленных”, поисками правды и справедливости. В чем причины долговечности классики? Между прочим и в том, что она воплотила собою высшее состояние русского языка, его духовную мощь и благозвучие. Во всем, что создано классиками, язык живет своей естественной и полнокровной жизнью, недаром так много из классики вошло в речевой обиход народа, будучи взятым у него же, но по-своему переработанным. В чем отличие гениального текста от заурядного, серого или откровенно халтурного? Во внутренней согласованной “работе” всех элементов языка, в его богатейшей ассоциативности и чуткости к движениям души, в его равновеликости человеку и миру, необозримому Космосу, наконец, в уверенности, что слово писателя ждут и что оно послужит добру.

Теперь же нас отовсюду призывают к уважению прав и свобод сильных, богатых и хищных, а всех бывших идеальных героев развенчивают, как дурачков, или судят, как преступников. Совсем иным, не гуманистическим, становится воздух времени, а человек в нем — обесцененной вещью. Отказ от идеалов означает отказ от будущего, от классики, реабилитацию всего, над чем она издевалась: ущербности, пошлости, равнодушия, жажды славы и богатства и т.п. Ценностям, которые утверждаются ныне, не нужен богатый и красивый язык: напротив, им бы лучше всего утвердиться молча, за кулисами. И литература вдруг стала ненужной, подобно прошлогоднему снегу: ей нет места на пиру нуворишей, жаждущих удовольствий. Духовностью и справедливостью, мол, сыт не будешь, надо “просто жить”, все равно мир не переделаешь.

Тогда зачем нам высокая классика? Она совсем не ко двору

современному истеблишменту — вот почему так сладострастно выискивают компроматы на классиков, вот почему литературу в школе низводят до уровня факультатива. В законной борьбе с вульгарным социологизмом пытаются вообще заглушить социально-нравственную ноту произведений. Идеино обезоруженный ученик становится легкой добычей всевозможных миссионеров и сектантов, ядовитыми мухами вьющихся над молодежью. Соросовские гуманитарные учебники, созданные под новую модель личности, обкрадывают и деформируют духовный мир юноши. Достаточно полистать “Историю русской поэзии” В. Баевского¹¹, чтобы убедиться: вся история нашей поэзии сведена здесь к движению форм стиха! Это все равно, что свести развитие человека к возрастному обмену веществ, к физиологии. Вспомним реформаторов русского стиха Тредиаковского и Ломоносова: о чем они прежде всего помышляли? О славе России, о том, чтобы она заняла достойное место в ряду европейских государств, чтобы привести в “пристойный порядок” изобретенные идеи, создать литературный трибунал для отделения подлинных произведений от фальшивых, которые служат “только к развращению нравов человеческих и к вящему закоснению в роскоши и плотских страстях”. Соросовские “независимые” авторы работают на почве фактов, а фактами в литературе они считают прежде всего элементы формы. По словам критика И. Золотусского, “игра с формой, первенство формы, драматургия и карнавал формы, — вот что имеет сейчас спрос и потребление в так называемой науке о литературе”. И в этом критик видит “болезнь внешнего подхода к России, к ее духовной истории и культуре, которые познаются только на глубине, где за семью печатями, в таинственном ларце обитает бессмертная душа ее...”¹².

Именно болезнью этого внешнего подхода к истории России, к народу, к его культуре и языку так опасны современные реформаторы образования. Давно признано, что как предмет обучения и воспитания личности русская словесность — один из самых универсальных и активно действующих, особенно в кризисные времена. Литература, полагал И. А. Гончаров, “есть орган, то есть язык, выражающий все, что страна думает, чего желает, что она знает и что хочет и должна знать”¹³. По словам Р. Барта, “сегодня одна лишь литература берет на себя полную ответственность за язык”¹⁴, ибо она живет им и внутри него.

Почему разводят, разделяют язык и литературу? Почему ушли из обихода такие понятия, как “словесность”, а тем более —

“изящная словесность”? Почему пишут бездушные, шаблонные сочинения? Почему не умеют говорить красиво, емко, ладно и складно, сбиваясь на жаргон, пустословие или мат? В школе должен быть восстановлен единый предмет образования — “русская словесность”. Только в единой упряжке русский язык и литература способны вывести нас из бескультурья и косноязычия. Язык и литература — и страж, и фильтр, и улей, куда собирается самое драгоценное со всех цветов земли. Формализацией всего и вся, тестированием, компьютерными нововведениями тут делу не поможешь. Литературу примут душой и она будет действенной, если со школьных лет “открыть дорожку ребенку не к внешним, а к внутренним сущевым явлениям искусства, его огромному эмоционально-нравственному, человеческому содержанию — опыту веков в формировании отношения человека к миру”¹⁵.

Кажется, в последние годы мы свернули с этого пути в делячество и формализм, и литература перестала быть “нашим всем”, первейшей потребностью алчущей души. Парадоксально, но ей уготована участь того самого “лишнего человека”, которого сама она с прискорбием открыла и которому так сострадала. Каждый пятый гражданин за год у нас не прочитывает ни одной книги — и это в когда-то самой читающей стране мира. “С томиком классика в метро уже никого не встретишь”¹⁶, — сетует современный критик. Но если мы так равнодушны к своему великому духовному наследию и к своему нынешнему интеллектуальному статусу, зачем же удивляться и жаловаться, что к нам теряют интерес за рубежом? Более того, в своей угодливости перед Западом мы больше озабочены тем, как преподавать русский язык иностранцам, а не тем, как бы не разучились говорить по-русски наши соотечественники. В укреплении достоинства и самоуважения, в любви к своей стране и культуре — залог популярности русского языка в мире, побудительный стимул к его изучению за рубежом.

Нас многое пугает в современной жизни, мы боимся перемен, внезапных покушений на наши привычки и представления. Всевозможные социальные, нравственные и языковые уродства мы напрямую связываем с нарастанием безграничной жестокой свободы “право имеющих”, со всем тем, что развеяло опорные символы нашего существования и выбросило нас на мировые демократические сквозняки. Возникает ощущение, что многое предстоит начинать заново.

Однако изменить или отменить язык и культуру народа нико-

му, никаким реформаторам не под силу. Человеческая речь “звучала на Земле как минимум 300—400 тысяч лет назад”¹⁷. Кто может управиться с таким историческим временем, чтобы подчинить эту речь себе? Язык, утверждал В. Гумбольдт, “обладает еще и независимым, внешним бытием, которое властно над самим человеком”^{7б}. Конечно, “язык преходящ, как и все земное”, однако “поколения проходят, а язык остается”. Бессмертная “человеческая душа есть колыбель, родина и жилище языка”^{7в}. Там, где язык “покидается духом”, там не может возникнуть и большой литературы. Народ, который не обретает высот познания в поэзии, философии, истории, “лишается благотворного обратного воздействия языка, потому что он по своей вине не питает его более материалом”^{7г}.

Язык и культура — это объединительные и стабилизирующие силы нации и государства, в них спасительный призыв к родству и пониманию. Они вырвутся, пробьются из иссушающей кризисной полосы рубежа веков и смены укладов живым и чистым родником. Если внешние и внутренние хищники не расчленят Россию, русский язык вернется в шеренгу могучих и общепризнанных языков планеты. То же самое произойдет с русской литературой — самой совестливой и сердобольной литературой в мире. Но одновременно и самой требовательной к человеку. Она заставляет его думать, сострадать, волноваться, принимать важные решения, совершенствоваться, она берedit его совесть. А надо ли это современному российскому или всемирному обывателю, ищущему развлечений и удовольствий? Великая литература рождается от великой духовной жажды одолеть смерть, невзгоды, непонимание, от потребности в идеалах. Современная постмодернистская литература либо пародирует эти идеалы, либо отвергает их как утопические. И в этом отношении наша литература (в особенности усилиями третьей волны эмиграции) сблизилась с литературой западной, потеряв свое лицо, чем отчасти объясняется снижение интереса ко всей русской литературе за границей.

В силу разных причин мы больше интересуемся Западом, чем Запад нами: не знать Шекспира, Мольера или Гвена россиянину — стыдно, тогда как не знать Пушкина, Чехова или Булгакова для американца — в порядке вещей. В современном мире отчетливо просматривается тенденция к глобализму, к моноязыку и монокультуре проамериканского образца. Но если осуществится тотальная американизация, культура умрет, ибо она живет соревнованием. И каждый язык развивается и обогащается отто-

го, что рядом звучат языки другие. Можно ли обойтись без того или иного народа или языка? Да, в пучине времен исчезали целые цивилизации, но с каким вожделением мы разыскиваем на земле и под водой их следы, как хотим услышать от них хотя бы одно слово! Завоеватели территорий не завоевывали языка, потому что язык — понятие не только пространственное, но и культурно-историческое, в нем отложилась прапамять народа. И только встречное движение языков обогащает народы, но не одностороннее преобладание какого-то одного; мировая культура — это непрерывный диалог, а не навязанный монолог. Более ста лет назад великий филолог А. Потехня писал: “Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы губительно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним”¹⁸. Мы боимся сложности и разнообразия, боимся быть самими собой и рабски ждем, как и что скажет “княгиня Марья Алексевна”.....

Развитая экономика — фактор времени, удачное стечение обстоятельств. Культура же — явление вечное, способное выйти из забвения через несколько веков. Если мы ошутим под собою почву культуры, мощный фундамент исторической памяти, значит, у нас есть будущее, значит, не умрут ни русский язык, ни русская литература. Они пройдут испытание временем! Язык — что поле, куда заносятся ветром всякие семена. Однако прорастают тут и дают плоды лишь те, которым по климату, остальные либо гибнут, либо надолго замирают до лучших времен. Поле русского языка просторно и открыто со всех сторон, но главное в том, чтобы оно не оказалось заброшенным, неухоженным.

Никогда не звучали так злободневно и одновременно пророчески слова И. С. Тургенева о русском языке, которые и теперь дают нам надежду: “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!”¹⁹.

¹ *Рахманин В. С.* Социальные проблемы языка в современном мире // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. С. 13.

² *Панченко А.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 60. ^{2а} С. 244. ^{2б} С. 248.

- ³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 14. ^{3а} С. 71.
- ⁴ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. С. 222.
- ⁵ Карпов А. С. Промежуток (русская литература на рубеже веков) // Русский язык за рубежом. 2001. № 1. С. 75.
- ⁶ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 5—6. ^{6а} С. 6, 8, 16.
- ⁷ Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001. С. 304. ^{7а} С. 329. ^{7б} С. 52—53. ^{7в} С. 325—326. ^{7г} С. 321.
- ⁸ Флоренский П. Иконостас. М., 2001. С. 82.
- ⁹ Распутин В. “Наши учителя теперь из породы “потверже”..... (Из бесед с И. Кушелевым и В. Кожемяко) // Москва. 2002. № 3. С. 4.
- ¹⁰ Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993. С. 208.
- ^{10а} С. 3.
- ¹¹ См.: Баевский В. С. История русской поэзии. 1730—1980. Компендиум: Учеб. пособие. 3-е изд. М., 1996.
- ¹² Роль художественной литературы в становлении личности школьника. Тамбов, 1996. С. 24.
- ¹³ Энциклопедия мысли: Собр. афоризмов и изречений от древности до наших дней. СПб., 1997. Кн. 2-я. С. 22.
- ¹⁴ Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 377.
- ¹⁵ Дмитриев Д. “.....Чему-нибудь и как-нибудь.....” Современная русская литература в средней школе // Новый мир. 2000. № 2. С. 71.
- ¹⁶ Веселовский С. Мефистофель красоты // Знамя. 1998. № 11. С. 236.
- ¹⁷ Вишняцкий Л. Б. Происхождение языка: современное состояние проблемы: (Взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 60.
- ¹⁸ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 229.
- ¹⁹ Тургенев И. С. Стихотворения в прозе. М., 1967. С. 114.

Список использованной литературы

- Активные процессы в языке и речи. Саратов, 1991.
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М., 1997.
- Дмитриев Д. Русская литература XX века: разные тексты или гипертекст // Новый мир. 2001. № 9.
- Донских О. А. К истокам языка. Новосибирск, 1988.
- Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 4.
- Колодяжный И. Бизнес-грудь. Культура — отрасль развлечения? // Лит. Россия. 2002. № 3.
- Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- Литература в школе. 1997. № 2.
- Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.
- Неменский Б. Мудрость красоты. О проблемах эстетического воспитания: Книга для учителя. М., 1981.
- Николаева Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции. Новое направление в современном языкознании // Вопр. языкознания. 1996. № 2.
- Нурпеисов А. “Где сейчас исполины духа?” // Лит. газ. 2002. № 24—25.

- Панарин А.* Стратегическая нестабильность XXI века // Москва. 2002. № 4—9.
- Попова М. К.* Вербальная составляющая успеха массовой литературы // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
- Попов М.* Про гайку и запятую // Лит. Россия. 2002. № 3.
- Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии XX века. М., 2000.
- Розанов В. В.* Сумерки просвещения. М., 1990.
- Савчук В. В.* Конверсия искусства. СПб., 2001.
- Сосницкая М.* На каком языке мы говорим. Некоторые заметки об иностранных языках на фоне русского // Москва. 2002. № 9.
- Тютчев Ф. И.* О цензуре в России // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. СПб., 1913.
- Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
- Чижевский А.* Академия поэзии. Проект // Чижевский А. В науке я прослыл поэтом..... Стихотворения. Калуга, 1996.
- Чернец Л. В.* “Как слово наше отзовется...” Судьбы литературных произведений. М., 1995.
- Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.